

Иван Гостиный сын

Как во славном во гради во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Было пируваньице — почестен пир.
Вси на пиру наедалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру порасхвастались:
Тот хвастает тем, иной иным,
Умный хвастает добрым конем,
Добрым конем да отцом-матерью,

10. А безумный хвастат молодой женой.

А тут солнышко Владимир
Сам да порасхвастался:
«Кто бы со мной бил во велик заклад:
Скакать от города от Киева,
От Киева до города Чернигова,
Между теми частыми между лебедами,
Между тою обедней завтреницей».
А перескоку-то было да ровно триста верст!
Выставал тут Иванушко Гостиный сын

20. Из-за того стола из-за дубового.

Сам говорит таково слово:
«Солнышко Владимир князь стольне-киевской!
Я с тобою бью во велик заклад,
Скакать от города от Киева до Чернигова,
А перескоку было ровно триста верст».
Тут проговорит Владимир князь стольне-киевской:
«У меня-то у князя есть триста жеребцов,

227

Триста жеребцов и три жеребца:
Кологривый жеребец и сивогривый жеребец,

30. Есть младый косматый бурушко.

А у тебя, Иванушко Гостиный сын,
На коем-то чорти буде повыхать?»
Не досидевши Иванушка в пиру домой пошел;
Не проходит он во гридни во столовые,
А проходит в конюшенку стоялую,
Ко своему-то косматому ко бурушку,
Кланялся ему во правую во левую во ноженьку:
«Был я у князя на пиру,

В пьяном разуме порасхвастался:

40. Скакать от города от Киева до Чернигова,
Между тыма частыми между лебедами,
Между тою обедней завтреницей,

- А перескоку-то будет ровно триста верст».
 Насыпал тут своему косматому бурушку
 Пшены белояровой,
 Наливал ему питьица медвяного;
 Проходит во грядни во столовыи,
 Во свою во теплую спаленку.
 Тут Иванушку не очень спится —
50. Подушечка в головах вертится.
 Ставал он поутру ранёшенько,
 Умывался он белёшенько,
 Надевал он сапожки на ножки,
 Зелен сафьян, а носы остры,
 Около пяты яичко кати,
 А под пята воробей пролетит.
 Стал он латиться, булатиться,
 Булатиться, кольчужиться.
 Прошел он во конюшню стоялую,
60. Стал он седлать своего бурушка:
 Надевал он шубу соболиную,
 Надевал он шапочку собольюю,
 Пушисту и ушисту,
 Ушисту и завесисту:
 Спереди с-под шапки глаз не видать,
 Сзади с-под шапки шеи белой.
 Повел он своего косматого бурушка
 За поводы шелковыи.
 Косматый конь с Иванушкой шуточки пошучивал,
70. За соболиную шубоньку покусывал,

228

- По целому соболю выдёргивал.
 Провел он своего косматого бурушку
 Ко князю ко Владимиру,
 Привязал он ко тому столбу да ко точеному,
 Ко тому кольцу да золоченому;
 Проходит он ко князю ко Владимиру,
 Молится богу по-писаному,
 Поклон ведет по-учёному,
 На все на четыре на стороны,
 А князю Владимиру в особину.
80. Сам он говорит таково слово:
 «Ах ты, стольне-Владимир князь, полно спать, пора вставать,
 Закладнии заповеди пора выполнить».
 Выставал тут Владимир князь стольне-киевекой,
 Сам говорит таково слово:

«Ай же вы, мои конюхи придворные,
Гоните-тко вы триста жеребцов и трех жеребцов».
Тут скоро конюхи пригнали триста жеребцов и трех жеребцов,
Кологрива жеребца и сивогрива жеребца

90. И молодого косматого бурушка.

Иванушков конь увидал и заржал
На тех триста жеребцов.
Кологривый жеребец ископытился,
Сивогривый жеребец обнарился,
А младый косматый бурушко да в поле ускал;
В теремах верхи пошатался,
На столах питья расплескался,
А тут князи-бояра тут вси мертвы лежат,
А Владимир князь ходит раскарякою,

100. Соболиной шубой укрывается,

А сам говорит таково слово:
«Ай же ты, Иванушко Гостиный сын!
Веди-тко своего косматушка бурушка с моего двора,
Чорт с тобою и с твоим конем».
Только-то они и ездили.

Наезд литовцев

- А й как у Чембала, короля Литовского,
А й как было столованье, почестен пир,
А для своих как для па́новъёв для ула́новъёв,
А для бурзо́в поганных татаровьев.
А й как вси на пиру напивалисе,
А й как вси на пиру да наедалисе,
А й пофальбами все пофалялисе.
А й как ведь король по палатушкам как похаживает,
А й король как увидел за тыма столамы дубовыма,
10. А й увидел ён: сидят два любезных племянника,
А й не пьют да не кушают,
Белой лебеди да не рушают,
А сидят, повешены буйные головушки
А й пониже своих плеч могучиих,
А и притуплены очушки ясныи в кирпичной пол,
Призадумались уда́лы добры мо́лодцы.
А говорил им как родитель свой уж как дядюшка,
Ай Чембал, король да Литовский:
«Ай же вы, два витничка, два советничка,
Ай два любезных королевских да племянника!
Ай сидите за столамы за дубовыма,
Ай как не пьете вы не рушаете,
Белой лебеди вы не рушаете,
Ай повесили буйны головы ниже плеч своих могучиих,
Ай притупили как очушки ясныи во кирпичной пол.
А разве вам как напитокочки мои не по нраву-то,
А ествы мои не по обычаю,

233

- Али мужик деревенщина
А обнес вас словами да нехорошима?
30. Али вы каку́-ни невзгодушку сведали
А й над своей да над буйной головушкой,
Али вы как да в чистом поли
Аль слышали рать-силу каку́-нибудь великую?»
А й оны говорят ему таковы слова:
«А й же ты, родитель ты наш дядюшка,
А й Чембал, король да ты Литовский!
Никакой ведь как мужик деревенщина
Не обнес нас словами нехорошима,
Никакой ведь мы невзгодушки не сведали,
40. А никакой рать-силы великии да не слышали

- А й как мы да в чистом поли;
 А й как ествы нам все по нраву-то,
 А й напитокочки да по обычаю,
 А й как только не можем больше терпеть славы да великии
 А й про князя Романа Митриевича:
 А й про его слава иде да великая
 А й по всим землям, по всим ордам,
 А й по всим чужим дальниим сторонущкам.
 А й родитель ты наш дядюшка,
 50. А й Чембал, король да Литовский!
 А й давай-ко силы нам сорок тысячей,
 А й поедем мы на святую Русь
 А ко князю Роману Митриевичу,
 А под матушку славну каменну Москву».
- А йговорил им уж как дядюшка:
 «Ай же вы, два любезнии племянника!
 А у меня была пора-сила великая,
 Я не смел ехать да на святую Русь
 А ко князю Роману Митриевичу,
 60. А й потому что я да слышал топерь:
 А й как князь Роман Митриевич,
 А во матушки славной каменной Москвы,
 А как ён да хитёр-мудёр,
 А как знат языки как уж птичьии,
 Знат ён языки как враниныи,
 А как ён мастер ведь по полям скакать,
 А й по полям скакать да он серым волком,
 А по темным лесам летать да черным вороном,
 А по крутым горам скакать черным да горносталюшком,
 70. А й как по синиим морям плавать серой утушкой;
 Так ведь я терпел славу уж как век-повеку,
 А не смел я ехать на святую Русь.
 А й как сколько-ни, я слышал, на святую Русь
 А как силушки важивали,
 А взад уж как силушки ввек не вываживали.
 А й как я дам вам силы ведь сорок тысячей,
 А как силу-войско все ведь латничков я кольчужников,
 А силу-войско на добрых конях,
 А поезжайте-тко во землю во Лимоньскую.
 80. А й как та земля есть пребогатеюща:
 А й как в той земли много есть красного золота,
 А й как в той земли много есть да чиста серебра,
 А й как много есть мелкого скатного да жемчугу;

- А силы-рати в ней мало можется —
 А й как можете тую землю в полон-то взять».
 А й любезные племянники да согласилисе.
 А й как давал ведь им дядюшка,
 А Чембал, король Литовский,
 А й как силушки сорок тысячей,
 90. А й как силушку-войско ведь на добрых конях,
 А й все латничков все кольчужников,
 А й отпущал их во землю ведь да во Лимоньскую.
 А й как отправились оны да поехали
 А со всей со ратью со силой великою;
 А й как съехали во землю ведь во Лимоньскую,
 А тую землю всю в полон взяли,
 А й самого короля предали смерти да злою ведь.
 А й как с той земли со Лимоньской
 А как погна́ли добрых коней
 100. А стады́-то стадамы ведь,
 А й повели как добрых мо́лодцев
 А ряды́-то рядамы ведь,
 А й как вели молодых мо́лодушек,
 А как красных девишек,
 А й повели оны толпицами;
 А й как красного золота,
 А й как чистого да серебра,
 А й как мелкого скатного да жемчугу
 А покати́ли многи телеги да ордынские.
 110. А как выехали на славное чисто́ поле,
 А й как на чистом поле пораздумались:

А однако же вышла нам путь счастливая!
 А й два братца ведь родимых,
 А й два любезных королевских племянника,
 А й говоря как самы проме́ж собой:
 «А однако же когда вышла нам путь счастливая,
 А й поедем-ка мы на святую Русь,
 А й под матушку славную каменну́ Москву,
 А ко князю Роману Митри́евичу».

120. А й как взяли оны да отправились,
 А й приехали как под матушку славну́ каменну Москву.
 А под той как под матушкой славной каменно́й Москвой
 А разби́ли четыре села да что ни лучших:
 А как перво село Лягово,
 А как друго село Коротяево,
 А как третье село Карачаево,

- А как четвертое село что ни лучшее Косы-улицы.
 А у князя Романа Митриёвича
 А й убили зятя любезного,
 130. А и увезли Настасью ведь да Митриёвичну
 А и со любезной как со плёмничкой с трех да мисячной.
 А й увезли оны как ко рубежу ко московскому,
 А й как тут роздёрнули шатры оны да шелковы.
 А й как начали стоять добры молодцы,
 А дожидают как осени богатыей хлебородныей:
 А й будет баран тучён да овёс ядрён,
 А й когда повыростут пшеницы ведь да белоярыи,
 А й тогда оны грозятся как заехати
 А й во матушку славну́ каменну Москву,
 140. А ко князю Роману ведь да Митриёвичу.
 А й говорят как самы проме́ж собой:
 «А й московский князь Роман Митриевич
 А й не смел как нам показаться на светлы́ очи!»
 А й во матушки славной каменно́й Москвы
 А у князя Романа Митриёвича
 А как был забран столованье, почестен пир,
 А й как для ради своего силы-войска великого,
 А й как для ради своих сильних могучих богатырей.
 А как пьет-то он, кушат, проклаждается,
 150. А й невзгодушки великии да не начается.
 А как летит во́рон черныи мимо подо́коньё,
 А й садился как супротив князя Романа Митриёвича
 А й как во́рон во сад да во зеленыи,

236

- А й как ён на яблонь на кудрявую;
 А й грае ворон ведь да по-враниному:
 А й же ты, московский князь Роман Митриевич!
 А пьешь ты, кушашь ведь да проклаждаешься,
 А й над собой невзгодушки да не начаешься!
 А й от Чембала, короля от Литовского,
 160. А й наехало два любезных два племянника
 А й под матушку славную каменну́ Москву,
 А й разбили твои четыре села да что ни лучших:
 А перво село уж как Лягово,
 А дру́го как село да Коротяево,
 А й как третьее село да Карачаево,
 А четвертоё село да Косы-улицы;
 А й убили твоего зятя любезно́го,
 А увезли твою сестрицу родимую,
 А й как ведь Настасью ведь да Митриёвичну,

170. А со своим да со младенчиком,
А со младенчиком трёх да месячным,
А й ко рубежу ко московскому.
А стоят оны как у рубежа да у московского,
А й как спущены у их да добры кони
А во вашии во травки во шелковы,
А во вашии пшеницы ведь да белояры.
А й дожидают осени как богатыей хлебороднойей:
А й когда ведь будет баран тучён да овёс ядрён,
А й повыростут пшеницы белояры,
180. А тогда еще грозятся захвати
А й во матушку славну каменну Москву.
А еще говорят ёны сами промеж собой,
А что московский князь Роман Митрьевич
А не смел нам показаться на светлы очи».
А как тут московский князь Роман Митрьевич
А й ставал как он да на резвы ноги,
А й говорил он таковы слова:
«А й же, сила вы, сила как любезная, войско сорок тысячей,
А все князи, бояра ведь,
190. А сенаторы мои да думныи!
А пьете, кушаете, прокладаетесь,
А й над собой невзгодушки как не начаетесь.
А получил я как сейчас уж как весточку нерадостну,
А как весть-то я нехорошую:
А ведь от Чембала, короля от Литовского,

237

- А й наехало два любезных два племянника
А й под нашу матушку славную каменну Москву
А й разбили наши четыре села да что ни лучших
А перво село уж как Лягово,
200. А друго как село да Коротяево,
А й как третье село да Карачаево,
А четвертое село да Косы-улицы;
А й убили моего зятя любезного,
А увезли мою сестрицу родимую,
А й как ведь Настасью ведь да Митриевичну,
А со своим да со младенчиком,
А со младенчиком с трёх да месячным,
А й ко рубежу ко московскому.
А стоят оны как у рубежа да у московского,
210. А й как спущены у них добры кони
А во нашии во травки во шелковы,

А во нашии пшеницы ведь да белояры,
 А й дожидают осени как богатыеи хлебородныеи:
 А й когда ведь будет баран тучён да овёс ядрён,
 А й повыростут пшеницы белояры,
 А тогда еще грозятся заехати
 А й во матушку славну каменну́ Москву.
 А й же, сила моя, все войско вы сорок тысячей,
 А как сила-войско латнички все кольчужнички,
 220. А сила-войско все на добры́х конях!
 А вы седлайте-тко да уздайте добрых коней,
 А й крепко-накрепко, туго-на́туго,
 А по́едем мы за има́ вслед топерь с угоною,
 А й чтобы королевская как щёнядь да белогубая,
 А чтобы ёна не могла да намы фастати,
 А й как фастати нашей матушкой славной каменно́й Москвой!
 А топерь как мы поедем вслед да с угоную».

А сила-войско все сорок тысячей.
 А седлали-уздали добры́х коней
 230. А й туго-натуго, крепко-накрепко,
 А й как все садились на добрых коней
 А й поехали вслед с угоною;
 А й как все оны да отправились,
 А отправился московский с нима князь Роман Ми́трович.
 А приезжали как оны ко реки да ко Березины,
 А й как ведь московский князь Роман Ми́трович

238

А припущал да свою силушку
 А как пить да ко реки ко Березины.
 А начала сила пить во реки во Березины;
 240. А й как сила пи́ла во реки во Березины,
 А как смотрит на силушку
 А й московский князь Роман Ми́трович:
 А как и́на сила пьет да нападкою,
 А и́на сила пьет шоломамы да черпушкамы.
 А й московский князь Роман Ми́трович
 А й говорил ён да таковы слова
 А силы любезною:
 «А й же, сила моя вы любезная,
 А сила-войско сорок тысячей!
 250. А й котора сила пи́ла нападкою,
 А поезжайте-тко
 А й взад да во матушку славную каменну́ Москву,
 А й то силушки на бою да мертвой-то быть;

- А й котора сила пила шоломамы, черпушкамы,
А й как тую силу за собой-то брал.
А й как выехал он на да́лече, на далéче на чисто́ полё,
Становил свою силу на чисто́м поли,
А й как сам своей силе ён наказывал:
«А й же, сила любезная моя, войско сорок тысячей!
А й вы как кормите-тко вы добры́х коней
260. А не травкамы вы не шелковыма,
А й кормите-тко пшеницамы да белоярыма,
А сами слушайте:
А й заграю я перво́й нако́н да по-враниному,
А й как да седлайте-тко, уздайте-тко добры́х коней,
А заграю я как второй нако́н по-враниному,
А как вы пригото́вляйтесь-ко,
А й заграю третей након как я по-враниному,
А как едьте-ко скоры́м-скоро, скоро-на́скоро,
А й заставляйте-ко меня́ во живностях».
270. А й как сам обернулся он черным вороном,
Полетел как он да по чисту́ полю,
А прилетал как он ко рубежу ко московскому.
А й как там у них как белы шатры да пораздёрнуты,
А там у них добры́ кони пораспущены,
Пораспущены да по чисту́ полю;
А й у них ведь сабелки как порозмётаны,
А как оружия порозмётаны,
А как копыца вострыи порозмётаны,

239

- А й туги луки порозмётаны,
280. А й как сила крепко спит да не пробудится.
А й как ведь московский князь Роман Ми́трьевич
А й как обвернулся ён да серы́м волком,
А й как начал ён гонять ихных добры́х коней
А й как начал гонять да по чисту́ полю:
А й и́ных горлышко ён повырвал ведь,
А и́ных загнал во реку да во Березину.
А й потом как обвернулся он тонким белым да горносталюшком,
А й заскакивал он к ним в шатрики,
А й как там топерь он у тугих луков
290. А й тетивочки как он да повыел ведь,
А у копыцев ко́нечки да все повыломал,
У оружиев кремешки да все повывертел,
А у сабелок все остреица повыщипал.

- А й как племянника трех да месячна
 А провецилась языком она да по-хорошему:
 «А й же ты, родитель моя да матушка,
 А й Настасья Митриевична!
 А твой братец любезный,
 А как мой родитель да как дядюшка,
 300. А московский князь Роман Митрьевич,
 А поскакива он по шатрику
 Тонким белым да горносталюшком,
 А выручае нас со полону ён великого».
 А й как тут услышали два любезных королевских,
 А два любезных два племянника,
 А говорят самы ведь таковы слова:
 «А ставай-ка, наша сила, войско великоё,
 А скорым-скоро, да скоро-наскоро,
 А имайте горносталюшка да во шатриках!
 310. А начали и́мать горносталюшка да во шатриках,
 А й начали да закидывать
 А й как шубками его да́ соболиныма,
 А й как он по шубоньке, по рукавчику,
 А й выскакивал да́ он на улушку.
 А й как там обернулся он да черным вороном,
 А й как летел он на сырой дуб,
 А й как заграял он да во всю голову,
 А й заграял он да по-враниному.
 А й как сила его теперь да услышала,
 320. А й седлают-уздают добрых коней.

240

- А й говорят два любезных племянника,
 А й два любезных королевских,
 А й Чембала, короля да Литовского,
 А й говорят оны таковы слова:
 «А й не грай, не грай, московский князь Роман Митрьевич
 А й как ты на сыром дубу,
 На сыром дубу да черным вороном!
 А й мы натянем как свои да туги́ луки,
 А й мы кладём свои калены́ стрелы,
 330. А мы спустим твою тушу о сыру землю,
 А й распустим твое перье по чисту́ полю,
 А прольем твою кровь да по сыру дубу,
 Предаем ти смерть уж как в чистом поли».
 А й как он заграял ведь второй након по-враниному,

- А й как сила его топерь услышала,
 А й как начали ведь садиться на добры́х коней,
 А й как начали приготовляться.
 А й как говорят-то ведь два любезных королевских племянника:
 «А не грай, не грай, как московский князь,
 340. А князь Роман Ми́трьевич, черным вороном,
 А как по-враниному на сыром дубу!
 А как мы натянем свои да туги́ луки,
 А й мы кладём свои калены́ стрелы,
 А мы спустим твою тушу о сыру землю,
 А й распустим твои перья по чисту́ полю,
 А прольем твою кровь да по сыру дубу,
 А предадим ти смерть как мы скорую».
- А й заграял он третий након да по-враниному,
 А й как сила его топерь да услышала,
 350. А й как ведь поехали скоры́м-скоро, скоро-наскоро.
 Приезжали как к Литвы да поганьей,
 А й как начали рубить оны Литву да поганую,
 А й как тут сила да неверная,
 А й как сила ведь да литовская,
 А хва́таласе сила ведь да за туги́ луки,
 А у тугих луков тетивочки все повы́едены;
 А й как сила хваталася за копыица,
 А у копиицев ко́нечки все повы́ломаны;
 А сила хваталася за оружиё,
 360. А й у оружиёв кре́мешки все повы́верчены;
 А сила хваталася за вострыи за сабелки,

241

- А й у сабелок все остреица повы́щипаны.
 А й тою порою тем как времечком
 А пресекли всю силушку литовскую,
 А й как изымали двух королевских племянников:
 А й бо́льшему брату копали ведь со лба да очи ясныи,
 А й ме́ньшему — отрубили ноги резвыи.
 А й садили безногого на безглазого,
 А й отпущали во землю ведь да в Литовскую,
 370. А к Чембалу, королю ко Литовскому.
 А й сказал московский князь Роман Ми́трьевич таковы слова:
 «А й же вы, любезных два королевских племянника!
 Сойдетё в свою землю во Литовскую,
 А к своему уж к дядюшке
 К Чембалу, королю ко Литовскому,
 А скажите-тко ему таковы слова:
 А что московский князь Роман Ми́трьевич

А как старостью ён не ста́реет,
 А й голова ёго не седатеет,
 380. А сердце ёго не ржавеет,
 А слава́ ему век-повеку́ да не минуется».

А й как тут отпра́вились два любезных королевских племянника
 А в свою землю во Литовскую,
 А как князь Ро́ман Митрьевич
 Со своею он со силою
 А отпра́вился во матушку славну каменну́ Москву.
 А й как тут два любезных королевских да племянника
 А й приходили как к родителю ко дядюшки,
 А к Чембалу, королю да ко Литовскому.

390. А увидел их как дядюшка Чембал, король Литовский,
 А как двух своих любезных племянников,
 А приехал как безногой на безглазоём,
 А й как сам говорил как им таковы слова:
 «Ай же вы, два любезных моих да два племянничка!
 А как я говорил, что не йдите-тко на славную на святую Русь,
 А й под матушку славну каменну́ Москву
 А й ко князю Роману вы да Митрьевичу,
 А й как князь Роман Митрьевич на святой Руси хитёр-мудёр,

242

А что не вынести вам с Русеюшки головушек.

400. А как сколько-ни на святую Русь как езживано,
 А й как на святую Русь силы ва́живано,
 А й со святой Русей силы взад не вываживали,
 А не бёз чего от князя Романа Митрьевича!»
 А й говорили ведь два любезных королевских племянника:
 «А й родитель ты наш дядюшка,
 А Чембал, король Литовскийий!
 А й казни нас казенью своеручною,
 А й копай-ко нас во матушку сыру землю,
 А не можем мы боле терпеть бесчестья да великого,

410. А что мы со святой Руси
 А приехал как безногой на безглазоём».

А как дядюшка Чембал, король Литовскийий,
 А хоша жалко было, только ведь казнил своих племянников
 А своей он казенью да своеручно,
 А копал как их во матушку сыру землю,
 Хоронил их со славою великою.
 А й как двум королевским да племянникам
 А топерь да им славы́ поют.
 А Дунай, Дунай, да боле век не знай.

243